

сам с Усам

«Усама» пришел в Россию

Сцены повседневной жизни в Афганистане под властью талибов напоминают кадры из фильмов про инопланетные нравы и обычаи

Антон Долин

Газета 2005-25 апр - с 15

Картина, ставшая первой афганской кинопродукцией, появившейся на свет после падения талибского режима, могла бы получить «Золотой глобус» за лучший иностранный фильм и специальный диплом каннского жюри в номинации «Золотая камера» (плюс еще с десятком призов, включая Гран-при киевского фестиваля «Молодость») только лишь по политическим причинам. Однако «Усама» оказался еще и хорошим фильмом.

Дебютная работа сорокадвухлетнего Сиддика Бармака «Усама» стала первым фильмом постталибского Афганистана, а это ко многому обязывает. Например, к либеральному пафосу: другого потенциальная аудитория (видимо, весь мир, за исключением самого Афганистана, где народ скорее истосковался по западному кино, чем по суровым картинам собственного недавнего прошлого) не ждет. И к предельному реализму: всем интересно знать детали, как жилось при талибах. И к светлому финалу, предвещающему скорое освобождение от ненавистного режима. Это правило — единственное, которое Бармак не соблюдает. Вообще, все фильмы, которые снимаются в околоафганском регионе после пресло-

вудного освобождения, как правило, отличаются редкостным пессимизмом. Наглядные примеры — фильмы ряда известных иранских режиссеров, ринувшихся снимать в Афганистан: хотя бы премированная в Каннах картина Самиры Махмальбаф «Пять часов пополудни».

Совершенно очевидно, что о собственной афганской кинематографической школе говорить преждевременно, и поэтому Бармак ориентируется именно на иранцев: хоть они его и не спонсировали (среди международных продюсеров «Усамы» числятся японцы и даже ирландцы), зато на Западе пользуются устойчивым успехом. Проверенный стиль. И ведь сработало — в Каннах фильм посмот-

рело много больше зрителей, чем это предполагает параллельная программа «Двухнедельника режиссеров», куда и был приглашен Бармак, а жюри под руководством Вима Вендерса с удовольствием отметило картину специальным дипломом «Золотой камеры» за удачный дебют. Иностранная пресса при Голливуде пошла дальше, вручив Бармаку «Золотой глобус». На каком бы фестивале фильм ни показывали, без внимания прессы и жюри он не оставался.

В условиях заведомого благоприствования можно было, честно говоря, изготовить продукт куда более посредственный. Главный минус «Усамы» — безусловная вторичность, по отношению к тем же иранцам в первую очередь. Однако халтуры нет; сказалась, видимо, советская школа (а учился Бармак во ВГИКе, выпустился в 1987-м — еще при СССР). Сюжет остроумен: зацепив зрителя провокационно звучащим именем террориста № 1, Бармак рассказывает историю двенадцатилетней девочки, мать которой потеряла работу в госпитале. Став единственным кормильцем в семье, малолетняя героиня начинает работать к другу покойного отца — но для того, чтобы иметь право на эту работу

и скудную зарплату, которая часто ограничивается парой хлебных лепешек, она вынуждена переодеться в мальчика. Он-то и получает имя Усама, которое, по идее, должно стать талисманом. Но не становится. Обман раскрывается, и последняя надежда на светлое будущее улетучивается. Ведь лже-Усама не подозревает, что на подходе освободительные войска, а режиссер, видимо, не считает важным ему/ей об этом сообщить.

Непрофессиональные актеры — так, исполнительницу главной роли, Марину Голдбахари, режиссер встретил на одной из улиц Кабула, псевдодокументальная камера, установка на нейтральную интонацию («пусть факты говорят сами за себя»), чуть сдобренную юмором... Все это хорошо, хотя совсем-совсем не неожиданно, и получается, что зрителю, которого не интересует тяжелая жизнь афганцев, смотреть это кино решительно незачем. Вот это — самое обидное. Причем обидно не то, что тяжкая судьба женщин Востока часто оставляет равнодушными женщин и мужчин Запада, а то, что за рамки определенных ожиданий пока не способны выбраться ни фестивальные отборщики, ни работающие на них молодые режиссеры.